

ПРАВОВАЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА: ОТ АВТОРИТАРНОЙ СТРАТЕГИИ К ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ

Аннотация: В статье дана оценка двум основным стратегиям правовой ресоциализации человека. Если основная цель авторитарной стратегии – это защита общества с помощью тотальной институции от криминальной агрессии, то гуманистической – повторное формирование у человека матрицы правового поведения, содержание которой составляет рациональное и позитивное (с точки зрения экзистенциальных интересов личности) изменение себя и своего социального окружения. Автор делает вывод о том, что для правового прогресса российского общества необходим переход от авторитарной стратегии ресоциализации, являющейся традиционной для него, к гуманистическому способу повторной социализации.

Ключевые слова: Юриспруденция, правовая ресоциализация, правосознание, правовая культура, социализация, правовые ценности, криминальная субкультура, правовой прогресс, правомерное поведение, тотальная институция

Для российского общества остается весьма актуальной проблема правовой ресоциализации людей, отличающихся девиантными и деликвентными формами поведения. Этой проблематике посвящено множество научных работ. Тем не менее, современные исследователи признают, что хотя и создано большое количество теорий ресоциализации, им все-таки не хватает концептуальной основы. Так, отечественный правовед В.А. Баранов отмечает, что «несмотря на столь высокую актуальность и прикладную значимость данной проблемы, единой концепции ресоциализации до сих пор не разработано даже на уровне социальной философии»¹.

По своей сути правовая ресоциализация представляет собой повторный, возобновленный процесс формирования открытой ценностно-смысловой системы нормального правосознания индивида, позволяющей ему адаптироваться к существующей правовой реальности, интегрироваться в социум и стать полноценным субъектом общественных отношений. Нормальное правосознание «не сводится к «сознанию» и «познанию», но живет всегда в виде пробуждаемой сердцем и совестью воли к совершенству, справедливости и праву... нормальное правосознание знает свой предмет; оно есть знающая воля к праву, признающая его в его объективном значении и обязательности, и признающая его потому, что она признает его цель»². Следует согласиться с мнением русского философа-правоведа И.А. Ильина о том, что нормальное правосознание обязательно предполагает наличие

у человека такого качества как воля к совершенству, справедливости и праву. Для достижения максимального успеха повторной социализации необходимо пробуждать и стимулировать данное волевое усилие личности.

Правовая ресоциализация имеет два альтернативных направления развития, которые в современной правовой реальности диалектически взаимосвязаны и взаимозависимы. Эти направления могут сменять друг друга в зависимости от тех паттерн, которые доминируют в социуме. Они отражают две альтернативные стратегии ресоциализации человека: авторитарную (репрессивную) и гуманистическую (восстановительную). Каждая из этих стратегий задает свою матрицу общественно-правового поведения человека, нуждающегося в социальной коррекции. Гуманистическая ресоциализация детерминирует правовую деятельность, представляющую собой специфическую форму отношения личности к общественному устройству, содержание которой составляет рациональное и позитивное изменение себя и своего социального окружения. Процесс репрессивной ресоциализации, базирующийся на системе тотальных институтов, стимулирует раздвоение правосознания человека и разрушение иерархии ценностно-смысловых ориентиров, детерминированной установками естественного права. Социальное поведение «репрессированного» человека продолжает оставаться девиантным и легко принимает криминальные формы.

Успех правовой ресоциализации зависит не только от той стратегии, которую выбрало общество и государство, но и от ряда других объективных и субъективных факторов, оказывающих влияние на жизнедеятельность человека. Под их воздействием он может встать либо на путь исправления, либо окончательно десоциализироваться. В комплекс основных факторов ресоциализации входят общественно-политические и экономические условия, ментальные и социокультурные паттерны, семейная и

¹ Баранов В.А. Ресоциализация осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания: теоретико-методологические и правовые основы: Автореф. дис. ... док. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008. С. 4.

² Ильин И.А. О сущности правосознания // Собр. соч. в 10 т. М., 1994. Т. 1. С. 150.

социально-бытовая ситуация, криминологические характеристики и психологические свойства индивида, а также его поведенческие особенности и состояние здоровья. В идеале повторная социализация должна приводить к позитивным изменениям в отношении человека к экзистенциальным интересам Другого, общественно-правовым нормам, этическим ценностям и своим обязанностям.

Процесс авторитарной ресоциализации контролируется системой наказания, существующей в обществе³. Для ее эффективности создается «тотальная институция» – место пребывания группы людей, оторванного от остального мира⁴. На этом искусственно «усеченном» социальном пространстве человеку навязываются эксплицитные и регламентированные формы жизнедеятельности, к которым его морально и физически принуждают. Репрессивная ресоциализация направлена на уничтожение «прежнего человека» с помощью таких тотальных институтов как приют, интернат и тюрьма, созданных для того, чтобы избавить его от асоциальных интересов и привычек, связанных с прежней жизнью. Для достижения этой цели агенты репрессивной повторной социализации сокращают «частную сферу индивида, свойственную его «нормальному» существованию»⁵. Тотальные институты стремятся ограничить социальную коммуникацию своих подопечных, создать непреодолимую «пропасть» между различными общественными ролями и жестко контролировать чрезвычайно формализованный распорядок жизни.

Репрессивная стратегия правовой ресоциализации служит цели защиты добропорядочных граждан от агрессии со стороны нарушителей узаконенных социальных норм, но только не формированию нормального правосознания личности. Мощным фактором, способствующим выбору авторитарного направления ресоциализации, является свойственная политикам погоня за быстрыми результатами с использованием незатратных методов и минимальных финансовых средств⁶. В итоге, такое стремление власти к экономии и минимизации своих усилий оборачивается трансформацией зла, в процессе которой борьба государства с правонарушениями становится не менее опасной для граждан, чем сам криминал. Апологеты авторитарной ресоциализации ориентированы не на будущее, а на прошлое. Они любят не развитие, а застывшие общественно-правовые формы, с помощью

которых могут господствовать над другими людьми, маскируя свою авторитарную позицию, как правило, риторикой о приверженности порядку, а также историческим и национальным традициям.

По Э. Фромму, для появления фундаментальной деструктивной психосоциальной ориентации у человека необходимы соответствующие условия: во-первых, враждебное отношение к нему со стороны социального окружения в ходе его эволюции как личности; во-вторых, ограничение его свободы с помощью нагнетания страха; в-третьих, установление «механического» порядка, делающего жизнь рутинной и неинтересной, лишенной всякого смысла⁷. Тотальная институция создает все эти условия, способствующие появлению у человека деструктивной ориентации. Объект репрессивной ресоциализации имеет подчиненный статус и минимальные возможности для выбора форм и направлений своей общественной жизнедеятельности. Сокращение частной сферы накладывает негативный отпечаток на его правовое сознание и потери индивидуальности, без которой личность перестает быть таковой⁸. Будучи включенным в жесткую систему иерархической стратификации и минимизированного пространства жизнедеятельности человек попадает под мощное патерналистское влияние криминальной субкультуры, которая является одним из продуктов репрессивной правовой ресоциализации.

Государство может выделять деньги как на расширение системы тотальных институтов, являющихся основными агентами репрессивной ресоциализации, так и на развитие институтов гуманистической ресоциализации (служб социальной защиты и психологической помощи, благотворительных организаций и фондов, центров помощи осужденным отбывших срок наказание в виде лишения свободы). Выбор стратегии зависит от множества факторов – исторических, экономических, политических и культурных. В России имеет глубокие исторические корни система репрессивной ресоциализации, детерминирующая уродливые формы криминальной субкультуры, подавляющие личностное начало в человеке. Так, после четырех лет пребывания в остроге Ф.М. Достоевский отмечал, что каторжане являются чрезвычайными формалистами, и какими они не были бы буйными на воле – все равно подчиняются неписаным правилам каторги. В произведении «Записки из Мертвого дома», которое носит документальный характер, были отражены впечатления Ф.М. Достоевского от быта и нравов каторжан в Омском остроге. С возму-

³ См.: Федосеев А.П. Проблемы ресоциализации в современном обществе: социокультурный анализ // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. 2010. № 1.

⁴ См.: Wallace S.E. Total Institutions. Transaction Publishers, 1971.

⁵ Пэнто Л. Личный опыт и научное требование объективности / Начала практической социологии. М., СПб., 2001. С. 25.

⁶ Бельских И.Е. Факторы экономического роста: стратегия национального развития России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 30. С. 15.

⁷ См.: Фромм, Э. Душа человека. М., 1992.

⁸ Тельнова Н.А. Феномен идентичности: способы описания и социокультурные основания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2011. Т. 1. № 7-13. С. 25.

щением он пишет о том, что преступники не испытывали никакого чувства вины или стыда за свои злодеяния. «В продолжение нескольких лет я не видал между этими людьми ни малейшего признака раскаяния, ни малейшей тягостной думы о своем преступлении... большая часть из них внутренне считает себя совершенно правыми. Это факт. ...преступник, восставший на общество, ненавидит его и почти всегда считает себя правым, а его виноватым... Вряд ли хоть один из них сознавался внутренне в своей незаконности. Попробуй кто не из каторжных упрекнуть арестанта в его преступлении, – выбранить его – ругательствам не будет конца»⁹. С того времени не изменилась репрессивная сущность системы уголовного наказания, поэтому и не поменялось отношение нынешних российских заключенных к обществу, праву и своей преступной деятельности. Они остаются такими же чрезвычайными формалистами, подчиняясь не Закону, а криминальным «понятиям» – неписаным правилам «зоны». Уходя в оппозицию к официальной идеологии, апологеты криминальной субкультуры не осознают того, что столь любезные их сердцу контркультурные формы являются всего лишь уродливыми слепками и обратной стороной официальной культуры, которая транслируется властью «сверху» и признается ею в качестве некоего духовного стандарта для граждан. Чем ниже качество артефактов официальной культуры (праздников, зданий, музыки, песнопений), тем уродливее слепки с них криминальной субкультуры и сложнее проведение стратегии гуманистической ресоциализации человека.

Одним из опаснейших последствий репрессивной ресоциализации является потеря человеком здравого смысла в оценке себя и других. У преступников возникает обычно завышенная самооценка. Эта особенность была подмечена еще Ф.М. Достоевский. С долей удивления писатель рассказывает о том, что заключенные в сибирском остроге безмерно гордились собой, поскольку их социальный статус каторжанина наводил страх не только на окружающее мирное население, но и на вооруженных солдат, несущих службу по их охране. Этот страх прекрасно чувствовали преступники, и они наполнялись гордостью «точно в самом деле звание каторжного составляло какой-нибудь чин, да еще почетный. Ни признаков стыда и раскаяния!»¹⁰. Из-за потери здравого смысла каторжане представляли угрозу не только для остальных людей, но и для самих себя. Их формы поведения были не совместимы с принципами и нормами социального сотрудничества, без которого не возможна нормальная человеческая жизнь. Поэтому морально-психологическая атмосфера в остроге была ужасной: «большинство было развращено и страшно

исподлилось. Сплетни и пересуды были беспрерывные: это был ад, тьма кромешная»¹¹.

Австрийский психолог А. Адлер, исследовав логику, мышление и мотивы преступников, обнаружил, что те считают свои преступления не только разумными, но и героическими. В «Науке жить» он рассказывает о случае, когда вор, вломившись в квартиру к школьным учительницам, затеял с ними дискуссию, пытаясь втолковать им сколь обременительны обычные занятия людей и убедить их в том, что гораздо легче и выгоднее воровать, чем честно жить и работать¹². Из-за таких деформаций ценностно-смысловых компонентов правосознания преступник будет при ужесточении репрессий не столько напуган, сколько получит укрепление веры в собственный «героизм». Ведь он живет в своем эгоцентричном мире, в котором нет места истинному мужеству, уверенности в себе, здравого смысла и осознания важности доминирования общечеловеческих ценностей в отношениях с Другим. Успешное прохождение им повторной социализации, т.е. еще одной попытки единения с обществом, будет для него крайне затруднительным. Из-за асоциальных установок такой человек не способен заниматься долгое время продуктивной деятельностью и от этого страдает, не осознавая при этом причину своих душевных мук, которые и вызывают у него психическую неуравновешенность. Э. Фромм таких людей называл импотентами, поскольку из-за слабости, страха и некомпетентности они не могут заниматься созданием жизни, требующей «известных свойств, которые отсутствуют у импотентного человека. Разрушение жизни требует только одного: применения насилия. Импотенту нужно только обладать револьвером, ножом или физической силой, и он может трансцендировать жизнь, разрушая ее в других или в самом себе. Таким образом, он мстит жизни за то, что она его обделила»¹³. По своей сути, это месть ущербного человека, душевную структуру которого повредили тяжелейшие жизненные трудности. Репрессивная система правовой ресоциализации плодит именно таких «импотентов».

Криминальная субкультура является одним из продуктов репрессивной правовой ресоциализации и представляет собой совокупность примитивных уголовных традиций и ритуалов, возникающих на основе тех алгоритмов деятельности, которые подтвердили свою значимость для деликвентной группы и пользу для ее членов. Еще отечественные криминологи XIX века (Д.А. Дриль, М.Н. Гернет, И.Я. Фойницкий) понимали социальную опасность распространения паттерн криминальной субкультуры, предлагая для ее нейтрализации гуманизировать отношение общества к преступнику и значительно

¹¹ Там же.

¹² См.: Адлер, А. Наука жить. Киев, 1997.

¹³ Фромм, Э. Душа человека. М., 1992. С. 23.

⁹ Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома. М., 1984. С. 13-14.

¹⁰ Там же. С. 12.

улучшить условия отбывания осужденными наказания. Парадоксальным образом в этой части культуры находит отражение официальная идеология, преломленная через призму группового сознания преступного сообщества. Так, в тридцатые годы XX века «жиганы» поддерживали контркультурные традиции и обычаи, противодействующие нормам советской морали: запрет трудиться, иметь постоянную семью, служить в армии, быть свидетелем или потерпевшим на предварительном следствии. Но в то же время ими были также позаимствованы такие «коммунистические» паттерны как доминирование коллективных интересов криминальной группы над индивидуальными, идеал «вора в законе» как бессребреника, презрение к собственности, излишкам и стяжательству. Криминальная субкультура, как и официальная, вмешивалась во все стороны жизни человека, ставя групповые интересы выше личных. «Таким образом, неформальные нормы тех лет представляли собой уродливый «слепок» с официальной идеологии, а краткое выражение «кто не с нами, тот против нас» стало главным лозунгом обеих идеологий»¹⁴. В семидесятые годы, когда в обыденном сознании советского человека начинает торжествовать дух стяжательства и двойная мораль, в криминальной культуре происходят похожие трансформационные процессы. В это время уже становится возможной покупка места в группе неформальных криминальных лидеров.

Современная российская криминальная субкультура, на которую сильное влияние оказывает девальвация этических ценностей в обществе, весьма негативно влияет на процессы правовой ресоциализации человека. Это связано с двумя факторами: во-первых, с появлением нового поколения преступников, которые стремятся не изолироваться от общественных и государственных институтов, а наоборот, активно в них внедряются; во-вторых, со сближением паттерн криминальной субкультуры с нынешними нравами российского общества, в котором идет «война всех против всех»¹⁵. Преступными сообществами стали даже создаваться благотворительные фонды, которые в соответствии со своими официальными программными документами должны оказывать помощь осужденным в адаптации и ресоциализации после их освобождения, но фактически занимаются их рекрутированием в криминальные группировки. Таким образом, в социокультурном пространстве российского общества образовался порочный круг: криминальная субкультура, являясь продуктом авторитарной правовой ресоциализации,

стала мощным фактором, способствующим развитию системы тотальных институтов, которые в свою очередь, как основные агенты репрессивной ресоциализации, дают сильный импульс ее развитию. Расцвет криминальной культуры в российском обществе затрудняет процесс повторной правовой социализации человека и приводит к «спутанности» его правосознания. Она способствует забвению им своих экзистенциальных интересов, ослаблению позитивных социальных связей, потери общественно значимых ценностно-смысловых ориентиров, проявлению иррациональности в различных жизненных ситуациях и, как следствие этого, порождает негативное отношение к нему со стороны окружающих. Пожалуй, следует согласиться с точкой зрения А.Н. Сухова, что «ключ к пониманию эффективности ресоциализации осужденных лежит в плоскости анализа противодействия их субкультуры, различных видов деформации закона, организационной культуре пенитенциарных учреждений»¹⁶.

Негативную роль в пропаганде «ценностей» криминальной субкультуры играют порой ведущие российские СМИ. Так, в октябре 2009 года информация о пышных похоронах «вора в законе» В. Иванькова (Япончика) заняла центральное место в новостных выпусках федеральных телеканалов, находящихся под контролем государства. Было ощущение, что хоронили великого общественного деятеля, внесший значительный вклад в прогресс российского социума. В то же время смерть многих действительно великих людей России остается без внимания прессы. И какие выводы из этого должен сделать субъект, нуждающийся в правовой ресоциализации? У него появится мотивация жить по законам общества (и умереть в забвении), или он будет придерживаться правил и «понятий» криминальной логики (и будет похоронен как «герой»)? В этом контексте представляет интерес позиция британского исследователя Дж. Колемана, который видел в работе СМИ чуть ли не единственную причину расцвета бандитизма в американских городах: «Войны уличных банд закончились в Лос-Анджелесе в 1966 году, как только средства массовой информации перестали их комментировать. Уличные банды начинают разредаться по мере ослабления к ним внимания СМИ, а затем они бесследно исчезают»¹⁷. С данной точкой зрения вряд ли можно согласиться, поскольку не существует причинно-следственной связи между деятельностью СМИ и расцветом бандитизма. Тем не менее, нельзя отрицать и того, что в информационном обществе весьма велико значение СМИ как одного из агентов правовой социализации и ресоциализации. Им следовало бы подходить к этой роли более ответственно, а не становиться (прямо или косвенно)

¹⁴ Шемякина В.В. Исторический аспект возникновения, становления и развития криминальной субкультуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (145). Право. Вып. 18. С. 101.

¹⁵ Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. М., 2002. С. 106.

¹⁶ Сухов А.Н. Социальные детерминанты ресоциализации осужденных // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 115-116.

¹⁷ Колеман Дж. Комитет 300. М., 2006. С. 118.

но) проводниками идеалов криминальной субкультуры, ведущих к раздвоению правосознания человека, которое свидетельствует о духовной неудаче, постигшей его. Ведь ему так и не удалось «по отсутствию воли или по недостатку умения – осознать содержание естественной правоты и положить его в незыблемое основание всякого суждения о «положительном» праве; но так как умение всегда зависит от сердца, которое любит, и от воли, которая выковывает и воспитывает умение, то вся эта великая духовная неудача в деле правотворчества покоится на всеобщем, исторически устойчивом очерствении сердец и недостатке воли к правовому праву»¹⁸. Репрессивная правовая ресоциализация, «подогреваемая» зачастую СМИ, способствует очерствению сердец и лишает человека воли к «правовому праву», которое он может не отличать от «неправового права», т.е. от совокупности действующих юридических норм, не совместимыми с установками естественного права.

Краеугольным камнем стратегии гуманистической ресоциализации является принцип гуманизма, который предполагает не только уменьшение социального зла на земле, но и доминирование экзистенциальных интересов человека в общественных отношениях. Для ее претворения в жизнь необходимо предпринять комплекс значимых мероприятий: преобразовать карательную судебную практику, сделав ее более адекватной целям гуманизации социальных отношений; развить систему наказаний, не связанную генетически с тотальными институтами; превратить тюрьмы из «рукотворного ада» в социальные приюты с хорошими бытовыми условиями и строгой дисциплиной; активизировать борьбу с паттернами криминальной субкультуры в духовной жизни общества. Не последнее место в системе мероприятий должно занимать повышение образовательного уровня людей, нуждающихся в повторной правовой социализации¹⁹. Эти мероприятия будут весьма затратными, но это необходимо сделать в ущерб патологически чрезмерным потребительским интересам российской «элиты» и пресыщенному комфорту государственных чиновников. В идеале, конечно, нужно стремиться к тому, чтобы ресоциализирующийся субъект был избавлен от «тотальной институции», получил необходимую автономию для адаптации к социальным нормам «большого» общества и смог в итоге влиться в ряды законопослушных граждан. Но в реальности даже далеко не все развитые государства выбирают данную стратегию ресоциализации. В зависимости от политической и экономической ситуации их правовая политика в

данной области определяется принципами либо гуманизма, либо авторитаризма.

Стратегия гуманистической ресоциализации предполагает создание для человека частной сферы, которая избавлена от тотальной институции и регулируется моральными и правовыми нормами, принятыми в данном обществе. Ее реализация имеет несколько основных этапов. На каждом из них субъект обладает качественно иным состоянием правосознания. Если в начале этого процесса он проявляет нигилизм и цинизм по отношению к существующим общественно-правовым формам жизнедеятельности, то при его завершении он признает необходимость их существования и функционирования. Гуманистическая стратегия восторжествовала в большинстве западноевропейских стран в семидесятих годах XX века. По мнению криминолога С.М. Иншакова, ренессанс гуманизма в отношении к беднейшим слоям общества и преступникам длился около десяти лет до середины восьмидесятих годов²⁰. В этих странах наряду с прогрессивными социальными преобразованиями уменьшались сроки тюремного заключения, внедрялись в карательную практику альтернативные наказания, в судебном приговоре обосновывалась справедливость сурового наказания, заключенные получили возможность принимать активное участие в общественной жизни, получать высшее образование и приобщаться к художественному творчеству. «Многие заключенные стали заниматься живописью (в основном в стиле примитивизма), их картины выставлялись в художественных галереях. Произведения заключенных охотно покупали любители экзотической тюремной живописи. Общественность стала регулярно поддерживать контакты с лишенными свободы. Да и сами заключенные иногда брали шефство над обездоленными из свободного мира, о которых они узнавали из газет: оказывали материальную помощь матерям-одиночкам, сиротам»²¹.

Существуют различные модели гуманистической ресоциализации человека. Например, принципам гуманизма соответствует реинтеграционная модель пенитенциарных учреждений, которая была создана и апробирована в восьмидесятих годах прошлого века в США. Ее основной идеей является то, что «заключенный воспринимается как человек, который способен изменяться, если предварительно получил при консультировании со стороны специалистов (психологов, социальных работников и др.) эмпатическую обратную связь касательно своей личности и приобрел за счет участия в групповых социально-реабилитационных программах навыки просоциального поведения, которые в итоге позволяют ему уже реализовывать новый смысл бытия в условиях особого типа гуманной среды и меха-

¹⁸ Ильин И.А. О сущности правосознания // Собр. соч. в 10 т. М., 1994. Т. 1. С. 153.

¹⁹ Васильева Е.Н. Образование как фактор социализации молодежи (опыт регионального исследования) // Вестник ВолГУ. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 3. С. 25.

²⁰ См.: Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М., 1997.

²¹ Там же. С. 201.

низмов коллективного самоуправления, складывающихся в полукрытых пенитенциарных учреждениях»²². Данная модель предполагает обязательное участие в качестве агентов ресоциализации не только правозащитных и благотворительных общественных организаций и привлекаемых извне специалистов, но и бывших заключенных, ведущих добропорядочный и законопослушный образ жизни. Важными компонентами механизма правовой ресоциализации стали специально созданные отвлекающие и попечительские программы, которые поставили цель вовлечения данной категории людей в систему отношений «внешнего мира», необходимую для их социальной реабилитации. Серьезные требования предъявлялись к руководству пенитенциарного учреждения, на базе которого претворялась в жизнь реинтеграционная модель. Руководители должны были обладать такими качествами как высокий уровень социального интеллекта и профессиональной компетенции, развитые коммуникативные способности и умения убеждать. Кроме того, предъявлялись высокие требования ко всему персоналу учреждения, который должен был принять активное участие в правовой ресоциализации, представляющей собой триединый процесс личностной реформации, социальной реабилитации и поэтапной реинтеграции в общество.

В контексте стратегии гуманистической ресоциализации лежит такой сравнительно новый вид уголовного наказания как общественные работы, основывающиеся на двух фундаментальных началах: отсутствии социальной изоляции и общественной полезности работ, производимых осужденными. В 1971 году данный вид наказания был впервые введен в Швейцарии для несовершеннолетних правонарушителей. Затем он получил широкое распространение в скандинавских странах. Ряд исследователей (В.Н. Гуляихин, О.Ю. Казурова, С.М. Иншаков, А.Н. Сухов) активно выступают за использование данного опыта в российской правовой системе²³. А.Н. Сухов убедительно доказывает неэффективность наказания в виде лишения свободы с точки зрения исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений. В защиту своего тезиса он приводит три основных аргумента: 1) человек в условиях общественной изоляции теряет свои социально значимые навыки, становится субъектом криминальной субкультуры и уже не может встать

на путь исправления; 2) при альтернативном наказании (без изоляции) осужденный благополучно избегает негативных морально-психологических и физических последствий, которые возникли бы при его обособленности от общества; это позволяет ему успешно пройти социальную адаптацию при активной помощи соответствующих служб; 3) «санкции, не связанные с изоляцией от общества, обладают также значительными экономическими преимуществами, их применение дает возможность разгрузить учреждения лишения свободы, перераспределить ресурсы, направить усилия государства на более адресную работу с гражданами, нуждающимися в помощи и поддержке и не представляющими угрозы для безопасности общества и государства»²⁴.

Таким образом, система репрессивной правовой ресоциализации создана лишь для того, чтобы защитить с помощью тотальных институтов законопослушных граждан от криминальной агрессии. Она не может в силу своей авторитарной природы, лишённой гуманистических начал, помочь оступившимся людям встать на путь исправления и занять достойное место в социуме. Духовная, экономическая и политическая ситуация, складывающаяся в глобализирующемся мире, способствует выбору стратегии авторитарной ресоциализации человека. Лишь в некоторых развитых странах предпринимаются попытки создания механизмов гуманистической повторной социализации. В российском социуме торжествует традиционно стратегия репрессивной правовой ресоциализации, которая лишь способствует потере человеком общественно значимых ценностно-смысловых ориентиров его деятельности. Для правового прогресса необходим переход социализации на гуманистические принципы. Это позволит получить существенные и положительные результаты при повторном формировании психосоциальной матрицы, составляющей основу правомерного поведения человека.

Библиография:

1. Адлер, А. Наука жить / А. Адлер. – Киев, 1997. – 286 с.
2. Баранов, В.А. Ресоциализация осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания: теоретико-методологические и правовые основы / В.А. Баранов. Автореф. дис. ... док. юрид. наук: 22.00.04. – Ростов-на-Дону, 2008. – 53 с.
3. Бельских, И.Е. Факторы экономического роста: стратегия национального развития России / И.Е. Бельских // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – № 30. – С. 15-20.

²² Поздняков В.М. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных на основе системы общественных воздействий: история и современность // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 16. С. 44.

²³ См.: Казурова О.Ю., Корякина Т.Н. Правовая социализация молодежи и отношение индивида к праву и закону в зависимости от социально-правовой установки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2003. № 3.

²⁴ Сухов А.Н. Социальные детерминанты ресоциализации осужденных // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 118.

4. Васильева, Е.Н. Образование как фактор социализации молодежи (опыт регионального исследования) / Е.Н. Васильева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2011. – № 3. – С. 25-31.
5. Достоевский, Ф.М. Записки из Мертвого дома / Ф.М. Достоевский. – М.: Правда, 1984. – 480 с.
6. Ильин, И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин // Общее учение о праве и государстве. Собр. соч. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 4. – С. 149-420.
7. Иншаков, С.М. Зарубежная криминология / С.М. Иншаков. – М.: Изд. группа ИНФРА. М-НОРМА, 1997. – 374 с.
8. Казурова, О.Ю. Правовая социализация молодежи и отношение индивида к праву и закону в зависимости от социально-правовой установки / О.Ю. Казурова, Т.Н. Корякина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2003. № 3. С. 155-161.
9. Колеман, Дж. Комитет 300 / Дж. Колеман. – М.: Витязь, 2006. – 250 с.
10. Кудрявцев, В.Н. Преступность и нравы переходного общества / В.Н. Кудрявцев. – М.: Гардарики, 2002. – 238 с.
11. Поздняков, В.М. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных на основе системы общественных воздействий: история и современность / В.М. Поздняков // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2011. – № 16. – С. 41-51.
12. Пэнто, Л. Личный опыт и научное требование объективности / Л. Пэнто // Начала практической социологии / Р. Ленуар, Д. Мерлье, Л. Пэнто, П. Шампань. – М., СПб.: Институт экспериментальной социологии, Алетейя, 2001. – Глава I. – С. 5-35.
13. Сухов, А.Н. Социальные детерминанты ресоциализации осужденных / А.Н. Сухов // Прикладная юридическая психология. – 2012. – № 1. – С. 115-118.
14. Тельнова, Н.А. Феномен идентичности: способы описания и социокультурные основания / Н.А. Тельнова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2011. – Т. 1. – № 7-13. – С. 25-31.
15. Федосеев, А.П. Проблемы ресоциализации в современном обществе: социокультурный анализ / А.П. Федосеев // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия 1. – 2010. – № 1. – С. 58-63 с.
16. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. – М.: Республика, 1992. – 430 с.
17. Шемякина, В.В. Исторический аспект возникновения, становления и развития криминальной субкультуры / В.В. Шемякина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 7 (145). – Право. – Вып. 18. – С. 100-103.
18. Wallace, S.E. Total Institutions / S. E. Wallace. – Transaction Publishers, 1971. – 198 p.

References (transliteration):

1. Adler, A. Nauka zhit' / A. Adler. – Kiev, 1997. – 286 s.
2. Baranov, V.A. Resotsializatsiya osuzhdennykh k lisheniyu svobody i osvobozhdennykh ot etogo nakazaniya: teoretiko-metodologicheskie i pravovye osnovy / V.A. Baranov. Avtoref. dis. ... dok. yurid. nauk: 22.00.04. – Rostov-na-Donu, 2008. – 53 s.
3. Bel'skikh, I.E. Faktory ekonomicheskogo rosta: strategiya natsional'nogo razvitiya Rossii / I.E. Bel'skikh // Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'. – 2011. – № 30. – S. 15-20.
4. Vasil'eva, E.N. Obrazovanie kak faktor sotsializatsii molodezhi (opyt regional'nogo issledovaniya) / E.N. Vasil'eva // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii. – 2011. – № 3. – S. 25-31.
5. Dostoevskiy, F.M. Zapiski iz Mertvogo doma / F.M. Dostoevskiy. – М.: Pravda, 1984. – 480 s.
6. Il'in, I.A. O sushchnosti pravosoznaniya / I.A. Il'in // Obshchee uchenie o prave i gosudarstve. Sobr. soch. – М.: Russkaya kniga, 1994. – Т. 4. – С. 149-420.
7. Inshakov, S.M. Zarubezhnaya kriminologiya / S.M. Inshakov. – М.: Izd. gruppy INFRA. M-NORMA, 1997. – 374 s.
8. Kazurova, O.Yu. Pravovaya sotsializatsiya molodezhi i otnoshenie individa k pravu i zakonu v zavisimosti ot sotsial'no-pravovoy ustanovki / O.Yu. Kazurova, T.N. Koryakina // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii. 2003. № 3. S. 155-161.
9. Koleman, Dzh. Komitet 300 / Dzh. Koleman. – М.: Vityaz', 2006. – 250 s.
10. Kudryavtsev, V.N. Prestupnost' i нравы perekhodnogo obshchestva / V.N. Kudryavtsev. – М.: Gardariki, 2002. – 238 s.
11. Pozdnyakov, V.M. Resotsializatsiya nesovershennoletnikh osuzhdennykh na osnove sistemy obshchestvennykh vozdeystviy: istoriya i sovremennost' / V.M. Pozdnyakov // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. – 2011. – № 16. – С. 41-51.
12. Pento, L. Lichnyy opyt i nauchnoe trebovanie ob'ektivnosti / L. Pento // Nachala prakticheskoy sotsiologii / R. Lenuar, D. Merl'e, L. Pento, P. Shampant'. – М., SPb.: Institut eksperimental'noy sotsiologii, Aleteyya, 2001. – Glava I. – С. 5-35.

13. Sukhov, A.N. Sotsial'nye determinanty resotsializatsii osuzhdennykh / A.N. Sukhov // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – 2012. – № 1. – S. 115-118.
14. Tel'nova, N.A. Fenomen identichnosti: sposoby opisaniya i sotsiokul'turnye osnovaniya / N.A. Tel'nova // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii. – 2011. – T. 1. – № 7-13. – S. 25-31.
15. Fedoseev, A.P. Problemy resotsializatsii v sovremennom obshchestve: sotsiokul'turnyy analiz / A.P. Fedoseev // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. – Seriya 1. – 2010. – № 1. – S. 58-63 s.
16. Fromm, E. Dusha cheloveka / E. Fromm. – M.: Respublika, 1992. – 430 s.
17. Shemyakina, V.V. Istoricheskiy aspekt vozniknoveniya, stanovleniya i razvitiya kriminal'noy subkul'tury / V.V. Shemyakina // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 7 (145). – Pravo. – Vyp. 18. – S. 100-103.
18. Wallace, S.E. Total Institutions / S. E. Wallace. – Transaction Publishers, 1971. – 198 p.